

—ближайшіе къ нему люди, даже ученики его, какъ Чертковъ, и самъ, наконецъ, Левъ Н-чъ,—не поѣхавшій къ Гусеву и только что гостившій у Черткова въ Крешкинѣ,—продолжаютъ жить такъ-же, какъ и всѣ очень богатые люди, ни въ чемъ себѣ не отказывая... Мудрено, впрочемъ, и уговорить кого-либо жить иначе, уговаривая такъ, какъ это дѣлаетъ Левъ Н-чъ, не только всею своею жизнью опровергающій то, къ чему призываетъ другихъ, но и въ самое уговариваніе вносящій такія несообразности, какъ въ его статьѣ—«*Неизбѣжный переворотъ*». Въ параграфѣ 6-мъ этой статьи спрашивается,—“можетъ-ли быть счастливъ или, вѣрнѣе, не быть несчастливъ старикъ, который захотѣлъ-бы жить жизнью молодости, или взрослый человѣкъ, желающій жить жизнью ребенка?”. И затѣмъ утверждается, что “сколько бы ни старался человѣкъ продолжать жить несвойственной уже ему жизнью прежняго своего возраста.., онъ въ концѣ концовъ “будетъ приведенъ къ необходимости жить сообразно своему возрасту.. Такъ это должно случиться, по мнѣнію Толстого, и съ человѣчествомъ, жизнь котораго “всегда подчинялась и подчиняется тому-же самому закону постепеннаго роста и развитія, которому подчиняется и жизнь отдѣльнаго человѣка”. Отсюда дѣлается такой выводъ: „Много есть суевѣрій, отъ которыхъ страдаютъ люди, но нѣтъ болѣе общаго, болѣе губительнаго по своимъ послѣдствіямъ суевѣрія, чѣмъ то, по которому люди увѣряютъ себя въ томъ, что сознаніе человѣчества (то, которое выражается ученіями о смыслѣ жизни, о вытекающемъ изъ него руководствѣ поведенія, называемыми религіями), что это сознаніе можетъ остановиться и быть одно и то же во всѣ времена жизни“... А въ параграфѣ XI-мъ той-же статьи говорится: „Кто-бы ты ни былъ,—остановись на минуту въ своей дѣятельности и загляни въ свое святая-святыхъ, въ свое сердце и спроси себя, что тебѣ, *настоящелю тебѣ*, нужно для того, чтобы прожить наилучшимъ образомъ тѣ часы или десятилѣтія, которые еще могутъ предстоять тебѣ? И... если ты только искренно и серьезно спросишь себя объ этомъ, ты не сможешь не отвѣтить... на этотъ вопросъ: нужно тебѣ... одно, то самое, что *всегда* было и *теперь* нужно *для встѣхъ*: благо, истинное благо, не такое благо, которое нынче можетъ быть благомъ, а завтра можетъ стать зломъ, и не такое, какое было-бы благомъ для одного тебя, а зломъ для другихъ, а одно истинное, несомнѣнное благо, такое благо, которое благо и для тебя, и для всѣхъ людей, и сегодня и завтра, и во всякомъ мѣстѣ.. Но религіи, указывающія на смыслъ жизни и согласно съ этимъ смысломъ руководящія поведеніемъ людей, имѣютъ въ виду доставить людямъ именно то благо, о которомъ говорится въ приведенномъ отрывкѣ, благо истинное, нужное для всѣхъ, всегда и вездѣ, какъ для молодыхъ, взрослыхъ, такъ и для стариковъ. Однако разныя религіи разрѣшаютъ вопросъ о благомъ различно, благо же только одно, а потому и истинная религія можетъ быть только одна, и будетъ истинною религіею именно та, которая руководитъ къ достиженію истиннаго блага; и только эта истинная религія будетъ надлежащею руководительницею всѣхъ людей во всѣ ихъ возрасты, въ молодости, въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости, словомъ „*во встѣ времена жизни людей*“. Неужели это не ясно? И какъ-же можно сказать, какъ это говорится въ параграфѣ 6-мъ